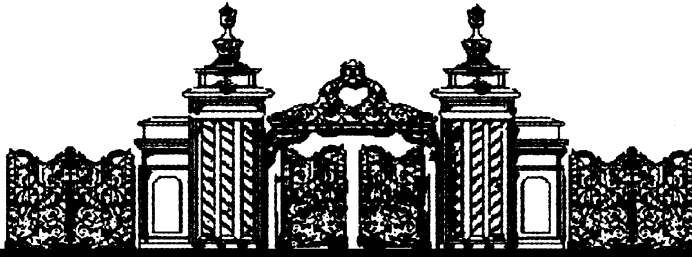

Г л а в а
с е д ь м а я

**ВРЕМЯ
К.Д. УШИНСКОГО
1860–1862 гг.**

**Блажен, кто к злым в совет не ходит,
Не хочет грешным в след ступить.
И с тем, кто в пагубу приводит,
В согласных мыслях заседать.**

1

М.В. Ломоносов

Константин Дмитриевич Ушинский — самый уважаемый наш главный редактор. Бесспорно, этот великий педагог-практик, основоположник научной, природосообразной педагогики, одарённый литератор с человеколюбивыми воззрениями — классик и нашей культуры. С Ушинским связаны незабываемые страницы истории нашего журнала, в котором он публиковался, в котором служил. В этой главе мы попытаемся проанализировать некоторые статьи Ушинского, опубликованные в журнале, сделаем обзор купюр, с которыми эти классические произведения педагога печатались в XX веке. Ведь известно, что купюры нередко представляют самое существенное во всём тексте. Но сначала обратимся к фактам, связавшим судьбу Ушинского с судьбой «Журнала Министерства Народного Просвещения».

Ушинский был редактором журнала в течение недолгих полутора лет, с марта 1860 по ноябрь 1861 года; в это время он жил в Петербурге и служил инспектором классов Смольного института благородных девиц. На первый взгляд, этот статус входил в противоречие с уже сложившейся к тому времени педагогической

концепцией Ушинского, основанной на демократизации образования и понимании великой воспитательной роли труда. Но в судьбе К. Д. Ушинского служба в Смольном институте не стала отступлением с занятых позиций. Получив возможность «истину царям с улыбкой говорить», педагог использовал свою близость к государственной элите и царской семье на благо просвещения, как это и следовало учёному ломоносовской школы. Подобно Ломоносову, Державину, Жуковскому, Ушинский и при дворе сохранял свободный ум и упрямый нрав. Впрочем, оговоримся: конечно, Ушинский не играл в придворной жизни такой важной роли, как его предшественники — поэты и учёные. Однако, как мы увидим, новые возможности принятого при дворе педагога сказались и на его работе в журнале.

Е. П. Ковалевский

Назначение в журнал Ушинский получил по собственной инициативе. Отметим этот факт: он стремился к журнальной работе, видя в ней и возможность для создания серьёзной исследовательской лаборатории, и широкие возможности для пропаганды передовых педагогических идей. Но превращаться в подневольного журнального работника Ушинскому не хотелось: такая перспектива его тяготила. Константин Дмитриевич не без оснований мечтал стать самостоятельным организатором журнала, с помощью которого можно развивать прогрессивные общественные убеждения в народном просвещении. Об этом он подробно писал в своих письмах, адресованных императрице Александре Фёдоровне. В общении с «великими мира сего» Ушинскому, как и Ломоносову, помогал его литературный дар. Он умел впечатлить, владел и даром убеждения. К тому же к своей цели — в данном случае к журналу — Ушинский шёл не один месяц, шёл уверенно и терпеливо.

Ещё в 1859 году, в первые дни своего вступления в должность инспектора классов Смольного института, Константин Дмитриевич Ушинский обратился к министру просвещения Евграфу Петровичу Ковалевскому с просьбой разрешить издавать журнал «Убеждение». Сюжет, связанный с этим проектом, стал своего рода предысторией работы Ушинского в «Журнале Министерства Народного Просвещения». Предполагалось критико-философское, педагогическое и психологическое издание. Абсолютно неясно, на какие средства Ушинский рассчитывал выпускать этот журнал, и, естественно, возникает вопрос: а не было ли сделано каких-либо авторитетных обещаний на этот счёт?..

Министр, получив заявление Ушинского, запрашивает по этому поводу Совет Воспитательного общества — нет ли с его стороны каких-либо препятствий к изданию журнала «Убеждение». В свою очередь, из Совета запрос был послан в IV отделение императорской канцелярии, которое курировала императрица, откуда и был получен ответ, что препятствий не имеется. К тому времени (1 марта 1860 г.) император Александр II «высочайше утвердил» представление министра Ковалевского о поручении редакции нашего журнала надворному советнику (что соответствовало воинскому чину подполковника) Ушинскому. Таким образом, одобрение получили сразу два журнальных проекта, связанных с именем Ушинского, которому предстоял непростой выбор.

Свидетельств переговоров министра с Ушинским не сохранилось. Можно предположить, что Е. П. Ковалевского волновал разрыв, образовавшийся между возраставшим педагогическим движением в стране и «Журналом Министерства Народного Просвещения». В Ушинском видели человека, который способен приблизить журнал к насущным нуждам педагогов, — и министр убедил «надворного советника» отказаться от издания самостоятельного журнала и редактировать министерский. Реформированный журнал должен был стать педагогическим органом, в его основу предполагалось положить программу, разработанную К. Д. Ушинским для «Убеждения». Таковы были предложения Ковалевского. Со своей стороны Ушинский не мог не учесть те выгоды, которыми он воспользуется как редактор уже действующего и отлаженного журнального хозяйства.

2

Необходимость преобразования журнала уже давно была осознана и руководством министерства, и общественностью. В Российской империи открывались школы и гимназии, и учителя нуждались в методическом журнале.

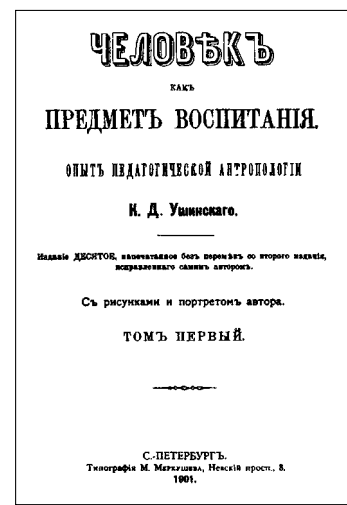
На новом витке своей истории журнал начал издаваться с 1834 года, под эгидой министра графа С. Уварова и под руководством тайного советника К. Сербиновича. По существу, это был порой бессистемный ежемесячный сборник научных статей по всем разделам науки. Значительное место в журнале занимали и регулярно публиковавшиеся высочайшие повеления, а также все, подчас самые мелочные, распоряжения министерства. Ушинский со свойственной ему прямотой называл журнал того времени *«совершенно бесхарактерным, в котором в продолжение около тридцати лет помещались статьи, не принимаемые другими журналами, и громадная медицинская диссертация об устройстве заграничных клиник попадалась рядом с переводом греческой трагедии, со статьёй о выделке лаков, с юмористическим разбором стихотворений и т. п.»*. И если журнал долго существовал в обстановке полной обеспеченности и академического спокойствия, то только потому, что до 1849 года он получал правительственную субсидию в размере 10 тысяч рублей. С прекращением субсидии журнал должен был существовать исключительно на средства подписчиков — обязательных и необязательных. Характерно, что первых было до 600, а вторых совсем немного.

Вопрос об изменении содержания журнала и улучшении качества его публикаций стоял остро — только при таком условии журнал мог получить достаточное количество подписчиков. Министерство тревожило такое положение, и в 1856 году оно поручило возглавить журнал академику А. Никитенко — знаменитому цензору и литератору, чья судьба была связана и с пушкинским кругом, и с некрасовским «Современником». Александр Васильевич Никитенко был человеком талантливым, о чём свидетельствует его путь из «простонародья» в генералы, его умение выглядеть достойно в спорах с самим Пушкиным, наконец, его дневник, остающийся и до сих пор памятником русской классической литературы. И Никитенко принял меры по улучшению качества журнала, однако время требовало более энергичных усилий, значительно большего присутствия животрепещущей педагогической тематики. А при Никитенко магистральное направление журнала существенно не изменилось. Известно, что и министр Авраам Сергеевич Норов действительной помощи редакции не оказал. Необходимость обновления чувствовалась тем более сильно ещё и потому, что в России стали возникать частные педагогические журналы, министерство же собственного педагогического органа фактически не имело.

Новый министр Евграф Ковалевский в представлении об утверждении писал реалистично: «ЖМНП в настоящем своём виде не занимает в русской литературе места, которое принадлежит ему по праву как органу правительственного учреждения». В свою очередь, и Ушинский в убедительном объяснении через полтора года после начала издания писал, что ему была предложена работа, чтобы из журнала «совершенно бесхарактерного» сделать специальный орган министерства, то есть говорить о том предмете, которым министерство непосредственно занимается: о народном образовании. Отдавая безусловное предпочтение Ушинскому, министр Евграф Ковалевский надеялся, что его педагогические и философские убеждения, выраженные в прежних печатных статьях, могут иметь полезное влияние на воспитание юношества, а через них и на самое молодое поколение». Таким образом, Ушинскому предоставлялась возможность в журнале министерства выразить то, что предполагал он представить в своём журнале «Убеждение».

К. Ушинский

«ПРОГРАММА ЖУРНАЛА

С июля 1860 г.

В состав Журнала Министерства Народного Просвещения входят:

1) Теоретические рассуждения и практические заметки по различным вопросам из области педагогики и дидактики.

2) Критические описания разного рода воспитательных и учебных учреждений, как русских, так и иностранных, в их современном состоянии и историческом развитии.

3) Биографии и автобиографии, в которых выражается влияние воспитания на характер и жизнь человека.

4) Критические разборы педагогических сочинений, учебников и детских книг.

5) Критические разборы русских и иностранных учёных сочинений по всем отделам науки, если они по содержанию своему могут иметь влияние на педагогическую деятельность.

6) Критические разборы чисто литературных произведений в таком только случае, если разбирающий находит в них отражение умственного и нравственного развития общества, или указывает на влияние, которое они могут иметь на это развитие.

7) Статьи физиологические, если в них решается, хотя косвенным образом, тот или другой вопрос физического воспитания.

8) Статьи психологические.

9) Из области истории только такие статьи, в которых раскрывается ход народного образования в том или другом народе, в тот или другой период времени.

10) Статьи философские, если они прямо или косвенно могут содействовать к определению и уясне-

Уже с марта на обложке журнала стала печататься новая программа — удивительный памятник педагогической мысли. В неё и нам сегодня нужно вчитываться, извлекая уроки.

Документ этот показывает, как серьёзно относился Ушинский к своей работе в журнале, ибо работа в качестве редактора отлично вписывалась в его концепцию педагога. Идея Ушинского состояла в максимально точном следовании поставленным задачам, что отражалось на рубрикации журнала и на его направлении. Особенно примечательно, что уже в то время К. Д. Ушинский понимал необходимость разграничения популярных и специализированных изданий. В русской, да и европейской журналистике того времени такое понимание было редким и потому особенно ценным. Ушинский готовил профессиональный журнал для педагогов, но общество было не готово к такой прямой и ясной ориентированности печатного издания. И нашего редактора, несомненно, ждали расплата за передовые взгляды, критика, непонимание...

К этому времени Ушинский уже основательно изучил прогрессивные течения европейской и американской педагогики, овладел психологией, философией, естествознанием — и всё это для того, чтобы утвердиться в уверенности: он может возглавить издание педагогического журнала. Министр Ковалевский и его окружение были знакомы с публикациями Ушинского, в которых он чётко заявлял о своей программе: как поднять воспитание из нынешнего его отсталого состояния на более высокую ступень. Воспитание должно соответствовать интересам и потребностям всего народа и подняться на уровень передовых стран Европы и молодой Америки, опытом которых необходимо воспользоваться. Конечно, увлечение иноземными учениями не означало космополитизма русского учёного. Он, что называется, «во всеоружии» пытался реформировать русскую педагогику согласно принципам, которые Пушкин связывал с преобразованиями Петра Великого:

Не презирал страны родной,
Он знал её предназначенье.

Многое ещё нужно было возвращать на русской почве, а многое черпать из неё. Ушинский понимал это, ценил родной фольклор, его мудрость и поэтичность. Фундаментом журнала Ушинского должна была стать любовная забота о России, о благе её народа, преданность национальной науке и осведомлённость в путях и возможностях развития мировой науки.

Чтобы осуществить такую поистине революционную программу, Константин Дмитриевич привлёк в журнал новых сотрудников, сам много публиковался на его страницах, не брезгуя и черновой работой. Ушинский подготовил 18 книжек журнала, вышедших за время его работы редактором. Он подбирал статьи, снабжая их редакторскими примечаниями, предисловиями и заключениями. Воистину он работал в журнале как боец, трибун и галерник, стремясь раскрыть на его страницах свои педагогические убеждения, увлечь за собой учителей и других деятелей просвещения. Посетуем, что об этом аспекте деятельности Ушинского пока нет фундаментального исследования. А ведь сказать есть о чём!

В конце 1860 года главный редактор пишет в Тверскую область своему другу и корреспонденту И. С. Белюстину (его публикации подписывались *Веский* или одной литерой Б.): «С горечью должен сознаться, что у меня до сих пор нет ни одного сотрудника по журналу в истинном, настоящем значении этого слова. <...> Материалов бездна, идей, которые необходимо распространить, тоже очень много;

СОДЕРЖАНИЕ	
СТО ДВЕНАДЦАТОЙ ЧАСТИ	
ЖУРНАЛА	
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ.	
—	
ОТДѢЛЪ I	
ПЕДАГОГИКА И ДИДАКТИКА.	
	СТРАН.
Мысли о жизни. Статья первая. В.	1
Письма къ матери о физическомъ и духовномъ воспитаніи ея дѣтей. Д-ра Карла Шмидта. Переводъ съ нѣмецкаго	23, 119 и 191
Изъ педагогической практики директора частнаго пансіона. Ю. Р.	10
Народныя школы въ Соединенныхъ королевствахъ Великобританіи и Ирландіи.	73 и 151
Дѣвчьи училищницы. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). В.	108
О преподаваніи отечественнаго языка въ Германіи. Модзалевскаго	172
ОТДѢЛЪ II.	
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЯ НАУКИ.	
Кольцевъ какъ народный поэтъ. В. Водовозова.	1 и 19
О преподаваніи исторіи въ германскихъ и английскихъ университетсахъ. (Отчетъ магистра Блауэга)	37
Физиологическія очерки. П. Червискаго (окончаніе).	57

ОТДѢЛЪ III.	
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.	
	СТРАН.
Дѣтскія книги. Изданія Вольфа. Переводы. Д. Семеновна.	1
Начальный курсъ Географіи по методу Корнелия. Д.	12
Руководство къ Ботаникѣ Григорьева. Д. Михайлова.	20
Русскіе педагогическіе журналы. «Учитель». А. Филионова.	35 и 59
Отвѣтъ на рецензію г-на Толія. К. Ушинскаго	87
Самоучитель русскаго языка для Киргизовъ. Султана Мяндала Пиралтева	107
Рассказы изъ русской исторіи В. Водовозова. А. Ф. Хрестоматія. Изданія общества распространенія полскихъ книгъ. А. Ф.	110
Материалы для Географіи и Статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Д. Семеновна	122
	127
ОТДѢЛЪ IV.	
ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.	
Свѣденія о духовныхъ лицахъ, съ особеннымъ усердіемъ занимающихся первоначальнымъ образованіемъ дѣтей	1
Извѣстія о Московскомъ музее и Публичной библиотекѣ Сельскія приходскія училища Трубненскаго округа	7
Школы для образованія ремесленнаго класса въ Финляндіи	9
Общество извѣстное подъ именемъ «союза англійской церкви для равноюй торговли книгамъ».	14
Открытие въ Петрозаводскѣ женскаго училища и актъ губернской гимназіи	20
Извѣстія изъ Гродно	25
Общество для распространенія грамотности въ Польшѣ	27
Приготовительное училище въ Казани.	29
Объ открытіи въ г. Нолнскѣ уѣзднаго училища.	30
Открытие въ Романовѣ (Ярославской губерніи) женскаго приходскаго училища	31
	34

Новое содержание журнала

жажда учиться в публике пробудилась; жатва обильна, но деятелей мало. Молю Господа Бога, чтобы Он дозволил провести хоть сотую долю тех идей, которые рождались и рождаются в душе моей, доставляя мне великое счастье и вместе с тем великую муку. Но силы физические мои ослабевают и даже глаза мои, которые служили мне без обмана, изменяют.

Неожиданно его журнал попал под огонь критики ряда газет и журналов, причём как правой, так и левой ориентации. Приходилось реагировать, отрываясь от дел: «Направление, которое я провожу, чуждо без исключения всем русским журналам, и я, кроме брани, ничего не ждал и не жду. Но я готовился к этому, принимаясь за издание журнала. По чистоте моих намерений и по озлоблению всех против меня я буду судить о необходимости говорить то, что начал говорить. То ли ещё увидите, если Господь Бог даст мне силы высказать то, что уже готово и что начну высказывать с первых книг будущего года! Надеюсь, что стану «притчей во языцех», и приготовился к этому».

И действительно, на Ушинского обрушились всевозможные мелочные и крупные обвинения: почему журнал не приносит прибыли, почему он не обличает анархических и материалистических тенденций других журналов? (Современник, 1861, № 5, 6, 8). «Современник» напал на Ушинского, желая, очевидно, разоблачить консервативную политику Министерства народного просвещения. Ушинский писал: «В критике, или лучше, в бранной статье, помещённой на мой счёт в «Современнике», прямо обвиняют меня, что я чей-то орган, чей уж, я этого до сих пор не знаю. Статья эта до того бездоказательна и глупа, что я и отвечать не буду. Что бы вы отвечали пьяному мужику, если бы он выругал вас по-матерному, неужели бы вы стали доказывать, что ваша мать была честная женщина?»

«Старались» и другие. В письме тому же Беллюстину Ушинский пишет: «В «Русском мире» разругали мой «Труд», да уж кстати тут же задели и «Вопросы жизни» г. Пирогова. Досталось нам обоим! Спасибо, что поставили рядом: я сознаюсь откровенно — этой чести не заслужил».

нию цели и задачи народного просвещения.

11) Перечни и обозрения статей, появляющихся в русских повременных изданиях, но за исключением статей чисто беллетристического содержания.

Все вышеупомянутые статьи составят в журнале четыре отдела, а именно:

I. Педагогика и дидактика.

II. Вспомогательные науки.

III. Критика и библиография.

IV. Известия и смесь.

В журнале министерства напечатан «Проект устава низших и средних училищ ведомства Министерства Народного Просвещения», для того чтобы вызвать критические замечания опытных педагогов на этот «Проект». Заметки эти, полностью или в сокращении, будут также помещены в журнале.

Официальная его часть, состоящая из правительственных распоряжений, будет выходить отдельными листами. (...)

При журнале редакция предполагает издавать особые приложения, состоящие или в оригинальных произведениях русских педагогов, или в переводах замечательных иностранных педагогических сочинений и учебников. Все подобного рода приложения будут высылаться бесплатно лицам, подписавшимся на журнал.

Авторы и переводчики, желающие помещать свои статьи в Журнале Министерства Народного Просвещения, могут присылать их в редакцию с означением: желают ли они, чтобы статьи были напечатаны без изменений, или позволяют сделать в них изменения и сокращения, которые редакция сочтёт необходимыми. (...)

Редактор К. Ушинский»

Между тем К.Д. Ушинский, став редактором журнала, начинает сотрудничество с Александром Николаевичем Пыпиным, двоюродным братом Н.Г. Чернышевского и самым выдающимся прогрессистом из русских учёных того времени. Об А.Н. Пыпине следует рассказать особо.

В то время читающую Россию (да и Россию чиновничью) сотрясали дискуссии о нигилистах, о тургеневском романе «Отцы и дети»; иным охранителям всюду мерещились Базаровы, а иные Базаровы готовы были отрицать и перечёркивать всё и вся. Бойкие перья талантливых литераторов-журналистов разных направлений — Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Зайцева, Антоновича, Каткова — определяли историю отечественной журналистики того времени. Власти относились к набиравшей силу прессе с возраставшей подозрительностью. Между молотом и наковальней оказался и редактор «Журнала Министерства Народного Просвещения».

Александр Николаевич Пыпин (1833–1904) родился на Волге, в Саратове, в дворянской семье. Окончил Саратовскую гимназию и уже гимназистом обнаружил как литературные способности, так и страстный характер правдолюбца, искателя справедливости. Всю жизнь он будет пытаться совместить свою научную систему с этикой. После гимназии он поступает в Казанский университет, оканчивает первый курс историко-филологического факультета, после чего переезжает в Санкт-Петербург, где в 1853 году завершает университетский курс и становится кандидатом историко-филологического факультета. Сергей Афанасьевич Венгеров, также автор нашего журнала, написал энциклопедическую статью о Пыпине. Мы считаем необходимым привести почти полностью текст этой статьи, в которой талантливый учёный отдаёт дань своему предшественнику; отметим, что в статье Венгерова сохраняется аромат эпохи начала XX века и её восприятие пыпинским поколением. Атмосфера журнальных и академических сражений близкого прошлого передается Венгеровым с едва уловимой элегической интонацией:

«Ещё студентом Пыпин напечатал свой первый труд — «Словарь к новгородской летописи» в «Сборнике Академии Наук» (1852, № 3). Это было участие в работе над словарём древнего русского языка, предпринятой И.И. Срезневским, и где другими участниками были Н.Г. Чернышевский, П.А. Лавровский и др. Первой журнальной статьёй Пыпина было исследование о драматургии XVIII века Лукине («Отечественные Записки», 1853 год)... это был отрывок из его кандидатской диссертации. С тех пор он принимал довольно деятельное участие в «Отечественных Записках» рецензиями и статьями по истории литературы. Сосредоточив свои занятия на древней русской повести, Пыпин в 1857 году защитил магистерскую диссертацию «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских». Здесь впервые дана история русской повести, начиная с заимствований из византийских и южнославянских источников и кончая повестями, сложившимися под западным влиянием, и первыми попытками оригинальной бытовой повести XVII века...

В 1858 году Пыпин был послан на два года за границу для приготовления к кафедре истории европейских литератур. Во время этого путешествия он побывал, между прочим, и в славянских землях (2 путевых очерка — «Из Венеции» и «Из Флоренции» — появились в «Современнике» в 1859 году). По возвращении он был назначен исполняющим должность экстраординарного профессора и в 1860/61 учебном году читал лекции по истории провансальской и средневековой французской литературы. В ноябре 1861 года он подал в отставку (одновременно с Кавелиным, Спасовичем, Стасюлевичем и Борисом Утиным), вследствие нарушения нормальной жизни университета после студенческих волнений, вызванных введением новых правил (матрикул) и обязательного для всех студентов взноса за слушание лекций.

С 1863 года Пыпин принял ближайшее участие в «Современнике». Он был членом редакции журнала, а несколько позднее (с 1865 года до приостановки в 1866 году) — ответственным редактором его (вместе с Некрасовым)...

А.Н. Пыпин

С середины 60-х годов, и особенно после закрытия «Современника», Пыпин некоторое время усердно занялся переводческой деятельностью. Частью под его редакцией, частью в его переводе появились историко-литературные и исторические сочинения Шерра, Геттнера, Дрэпера, Лекки, Тэна, Рохау, Бентама. Вместе с М.А. Антоновичем он перевёл «Историю индуктивных наук» Уэвеля. В 90-х годах под редакцией Пыпина вышли «История немецкой литературы» Шерра и «Искусство с точки зрения социологии» Гюйо. В 1865 году вышел первоначально составлявший дополнение к «Всеобщей истории литературы» Шерра, совместный труд Пыпина и В.Д. Спасовича (последнему принадлежит очерк истории польской литературы), «Обзор истории славянских литератур». В 1874–1881 годы эта книга появилась 2-м изданием в значительно переработанном и расширенном виде под заглавием «История славянских литератур». Этот капитальный труд (переведён на немецкий, чешский и французский языки), представляющий собой единственное до сих пор обстоятельное изложение судеб тысячелетней истории литературы западных и южных славян, чрезвычайно замечателен не только как свод того, что сделано в области изучения духовной жизни славянства, но и по истинно научному методу своему...

В начале 1870-х годов Академия Наук избрала Пыпина своим сочленом по кафедре русской истории. Но вследствие энергического противодействия тогдашнего министра народного просвещения графа Д.А. Толстого — противодействия, доведённого до высших сфер, — утверждение замедлилось, и Пыпин, чтобы прекратить неловкое положение учреждения, отказался от избрания...

Главное возражение, которое автор противопоставляет односторонностям славянофильства и теории «официальной народности», заключается в том, что «национальность, как стихия историческая, способна к видоизменению и усовершенствованию, и в этом именно возможность и надежда национального успеха». При неподвижности основ Россия не заимствовала бы из Византии христианства, а московское самодержавие не сменило бы собой удельно-вечевой быт.

Биография Белинского, по частям печатавшаяся в «Вестнике Европы» 1874–1875 годы, в своё время привлекла к себе чрезвычайное внимание. Она даёт подробные и совершенно новые сведения не только о самом Белинском, но и друзьях его — Станкевиче, Вас. Боткине, Герцене, Бакунине и многих других, извлечённые из их переписки, впервые здесь обнаруженной...

Автор включает в свой поражающий эрудицией труд не только этнографов в узком смысле этого слова, но и всех исследователей русского народного творчества... и даже всех теоретиков вопроса о народности, вплоть до публицистов-«народников» 80-х и 90-х годов, вроде покойного Каблицы-Юзова. В соединении с тем, что здесь даны обстоятельные биографии и характеристики длинного ряда русских учёных и публицистов, труд Пыпина является одним из самых капитальных историко-литературных пособий наших.

В «Истории русской литературы» нет обычного в сочинениях подобного рода повествовательного элемента. Краткие биографические данные приведены только в примечаниях к отдельным главам. Задача сочинения — отметить главные литературные течения. Заслуга его в том, что это первый свод огромного количества специальных исследований последних 20–30 лет, часто не приходящих ни к каким общим выводам. Пыпин интересуется только общими контурами, общей картиной хода русской литературы, впервые здесь представленной с такой рельефностью...

Каждого из 7 капитальных сочинений Пыпина, в совокупности составляющих 15 томов... было бы совершенно достаточно, чтобы обеспечить ему очень видное место в истории русской учёности. Принадлежность же всех этих сочинений, столь высоко авторитетных, одному лицу представляет собой явление почти беспрецедентное в нашем учёном мире. Вот почему общественное мнение, без различия

Трисвятое.	
Свѣтъ Бже, Свѣтъ крѣпкѣй, Свѣтъ безсмертнѣй, помилуй насъ.	Святый Боже, Святый крѣп- кий, Святый безсмертный, по- милуй насъ.
Молитва Пресвятой Троицы.	
Пресвѣда Троице, помилуй насъ: Гди, очисти грѣхъ на- ша: Владко, прости беззаконя- наша: Свѣтъ, посети и исцѣ- ли немощи наша, ѿмени Тво- е ради.	Пресвятая Троице, помилуй насъ; Владко, прости безза- конія наша; Святый, посети и исцѣли немощи наша имене Твоего ради.
Молитва Пресвятой Богородице.	
Богородице Дѣво, радуйся, благодѣтельная Маріе, Гди ея Го- сподю, благословѣна Ты въ женехъ, и благословѣна плоть ка Твояго, яко Свѣта родма ей дѣихъ нашихъ.	Богородице, Дѣво, радуйся, благодѣтельная Марія, Господь съ- тобою: благословѣна Ты въ женехъ, и благословенъ плодь чрева Твоего, яко Спаса ро- дила еси душъ нашихъ.
Молитва Духу Святому.	
Црю ѿмый, оутѣшитель, Дше истины, Иже воздеъ бытъ, и всѣ исполнѣай, скръбѣи сѣи и всѣ исполнѣай, сокро-	Царю небесный, Утѣшите- лю, Духе истины, Иже ведеъ и всѣ исполнѣай, сокро-

Молитва из книги «Родное слово»

направлений, с особым сочувствием встретило в конце 1897 года известие, что Академия наук, по прошествии 26 лет, снова избрала Пыпина своим сочленом. На этот раз избрание Пыпина ординарным академиком (отделение русского языка и словесности) получило утверждение. С. Венгеров». В журнале А.Н. Пыпин заведовал отделом рецензий.

Да, Александр Николаевич Пыпин остался в истории и как критически настроенный комментатор уваровской идеологии, главным рупором которой, как мы знаем, был «Журнал Министерства Народного Просвещения», в который Пыпина пригласил Ушинский. И мы всегда будем обращаться к работам А.Н. Пыпина потому, что он был основоположником (и одним из немногих в XIX веке последовательных апологетов) отношения к литературе и культуре в целом как к одному из явлений истории общества. Социологический подход к истории литературы, к истории культуры, в разных преломлениях господствовавший в нашей науке в XIX веке и поныне сохраняющий актуальность, ведёт своё начало именно с работ А.Н. Пыпина, сотрудника «Журнала Министерства Народного Просвещения». И Ушинский ценил его, несмотря на свои сложные отношения с Чернышевским, несмотря на свою глубокую религиозность.

Ушинский боролся изо всех сил, отстаивая свои редакторские принципы, и в стенах министерства ему удавалось отстаивать позицию и программу журнала, пока министром оставался Ковалевский. Однако сменивший его адмирал граф Евфимий Васильевич Путятин (фигура значительная и колоритная) высказал намерение снова изменить программу органа министерства, преобразовав его в периодическое издание прежнего типа, посвящённое вообще всем наукам.

3

Административная воля Путятина вошла в противоречие с программой великого педагога — редактора журнала. Но Ушинский не сдавался и сделал попытку доказать ошибочность мнения адмирала в докладной записке директору Департамента народного просвещения И.Д. Делянову (впоследствии министру), в которой высказал принципиальные положения, позволившие бы ему продолжить работу редактором журнала, будь они приняты:

«1. Настоящее педагогическое направление журнала соответствует более всего предмету деятельности министерства, которое более должно заботиться об образовании народа, чем о движении науки вперёд.

2. Правительство не теряет даром своих денег, распространяя между наставниками юношества здоровые нравственные убеждения и полезные сведения по делу воспитания.

3. Официальный журнал, падавший 30 лет, не может быть поднят скоро, особенно без эксцентрических средств. <...>

5. Направление журнала должно прежнее, но возоставить можно сделать его гораздо полезнее».

Делянов (тогда ещё не граф) переслал записку Ушинского графу Путятину. В ответ от адмиральского секретаря вскоре пришло уведомление о приказании министра издавать журнал на основаниях, бывших при Сербиновиче. Ушинскому оставалось только послать министру своё заявление: «По усилившемуся в настоящее время расстройству моего здоровья я нахожу невозможным соединять должность редактора журнала с должностью инспектора классов Воспитательного общества благородных девиц и С.-Петербургского Александровского училища. По сему имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство об увольнении меня от должности редактора журнала Министерства Народного Просвещения. К. Ушинский».

Резолюция министра не заставила себя долго ждать: «Внести в приказ. Е. Путятин». Не знаем, как для Путятина, но для Ушинского решение об отставке было нелёгким, болезненным. Но он считал невозможным как отказываться от своих принципов, так и работать вместе с людьми, которых считал врагами российского просвещения. А конфликт с Путятиним оказался жёстким, Ушинский терял уважение к этому человеку и убеждался в том, что с таким министром ему не ужиться. В таких

случаях Константин Дмитриевич неизменно проявлял ломоносовскую «благородную упрямку», отказываясь «грешным в след ступать».

Теперь, по прошествии полутора веков, мы можем признать, что назначение графа Путятина министром было грубой ошибкой Александра II. Волевой, неутомимый руководитель, Путятин¹, без сомнений, немало полезного сделал для России и как флотоводец, и как дипломат, но на посту главного педагога страны он оказался в ложном положении. И, конечно, он не успевал за Ушинским, отставал от его концептуальных новшеств, в том числе — и журналистских. Сама идея специализированного, профессионального, проблемного журнала казалась Путятину мертвенной, сухой, непривлекательной. Куда интереснее представлялся министру журнал, содержанием которого сплошь станет пресловутая «смесь» (важное для русской журналистики XIX века жанровое определение), в которой были бы и официоз, и беллетристика, и самые разнообразные трактаты, статьи, диссертации. Красиво, капитально... И такого мнения придерживался не один Путятин.

Нужно признать, что и взгляд Путятина (а также и Никитенко, и многих других деятелей нашего просвещения) имеет право на существование. И такой — смешанный — журнал можно было сделать событием в культурной жизни страны. Но Ушинский, объективно анализируя тогдашнюю российскую действительность, видел необходимость в специализированном педагогическом журнале, именно такой журнал, по его мнению, был бы чрезвычайно полезен, более того — необходим. «Польза» — ключевое слово в журналистском кредо Ушинского. Его журнал в первую очередь должен быть полезным для педагогов.

Разобраться в предложениях Ушинского (а он всегда подробно формулировал и обосновывал свои нововведения) всем было недосуг. В одном из писем, написанных после своей отставки, Ушинский в эмоциональной манере охарактеризовал педагогическое кредо Путятина: «Всё русское просвещение отдали в руки идиоту и изуверу, который думает дать новое направление русскому просвещению и воспитанию, а следовательно, и русской истории. Университетские происшествия² вызваны глупостью, дикостью и ослиным упрямством гр. Путятина. Теперь этот барин задумал отдать все народные школы в руки духовенства. Но так как эта благая мысль забралась в голову графа, то он, боясь, чтобы его заранее не отхлестали, запретил писать что-либо о народных школах где бы то ни было и в «Журнале МНПр». О чём же нам писать после этого?! <...> Взгляд у этого господина такой: «Всякая педагогика вздор; дитё надобно учить так, чтобы его рвало, тошнило от учения». Что вы тут сделаете?»

Добавим, что адмирала уволили с должности министра в конце 1861 г. Его уход благотворно сказался на судьбе нашего героя. Ушинский снова перешёл из стана радикальной оппозиции в стан деятельных сотрудников Министерства народного просвещения.

Однако официальная редакторская деятельность Ушинского закончилась.

В последнем, 112-м выпуске 1861 года напечатано «ОБЪЯВЛЕНИЕ об издании ЖУРНАЛА Министерства Народного Просвещения в будущем 1862 году». Своего рода лебединая песня Ушинского на посту редактора журнала. В этом объявлении сообщается, что в будущем году журнал будет выходить по той же программе, по которой издаётся со второй половины 1860 года И далее:

«Причём не лишним считаем напомнить, что в эти полтора года журнал министерства роздал безденежно своим подписчикам следующие особые приложения: Уроки географии Д. Семёнова, два выпуска; Детство человека Д-ра Гейфельдера; Начатки детского школьного учения А. Дистервега; Уроки физики А. Игнатовича и несколько библиографических указателей книг, периодических изданий и более замечательных журнальных статей. В будущем году редакция предполагает издать при журнале: 1) Продолжение Уроков физики А. Игнатовича. 2) Основные законы воспитания К. Ушинского. 3) Историю педагогики. 4) Третий выпуск Уроков географии Д. Семёнова. <...> Редактор К. Ушинский».

¹ Любопытно, что в 2002 г. в журнале «Детское творчество», учреждённом редакцией «Народное образование», была опубликована работа современной российской школьницы, хранящей память о своём предке — адмирале Е.В. Путятине...

² Ушинский имеет в виду студенческие волнения, вызванные введением матриккул. (Прим. авт.)

Оставив кабинет редактора журнала, Константин Дмитриевич Ушинский не оставил российской педагогической журналистики. Ещё пятилетие журнал был в руках соратников, учеников Ушинского и вплоть до нашего времени Ушинский не сходит со страниц журнала как один из самых ярких педагогов-литераторов России, как бесспорный основоположник научной педагогики.

Преемником великого педагога на посту главного редактора журнала оказался Юлий Семёнович Рехневский, его однокашник и друг, талантливый писатель и журналист. Новый министр Александр Васильевич Головнин предлагал Ушинскому вернуться в журнал, но Константин Дмитриевич отказался. Его влекла работа педагога-исследователя, учёного-теоретика, и десятилетие спустя сочинения Ушинского считались уже признанной классикой.

Нужно воздать должное и Головнину, и Рехневскому за то, что ещё целых пять лет, вплоть до назначения министром графа Д.А. Толстого в 1866 году, журнал министерства выпускался таким, каким его задумал и преобразовал Ушинский.

4

Нынче в публицистике стало «хорошим тоном» поминать недобрым словом «проклятое» советское прошлое, нам нелегко касаться темы «неизвестный Ушинский». Не хотелось бы тоже «бросать камни» в советское семидесятилетие, но и безоговорочно принимать практику советской идеологии, конечно, также не стоит. Исследовательский материал вообще не терпит не критического отношения к себе. Так, в преподнесении наследия Ушинского, характерном для XX века, отразилась антирелигиозная направленность советской идеологии. Сейчас мы должны знакомиться с идеями Ушинского, преодолевая искажения антирелигиозной пропаганды.

Если до сих пор с усечениями текста или искажениями орфографии издаются такие классики нашей литературы, как Пушкин и Гоголь, то вмешательство редакторских ножниц или красного карандаша с 1918 года в тексты великого педагога К.Д. Ушинского, возможно, представляется современному читателю как нечто малозначащее. Увы, таковы последствия многолетней диктатуры Главлита³ — столпа всесильной советской цензуры. Привыкли, что нещадно подвергали вивисекции тексты и Михаила Шолохова, и Эрнеста Хемингуэя, и абсолютно всех, кто хоть чем-то «не соответствовал».

И вот спустя 140 лет со времени первых публикаций мы сличаем тексты четырёх статей Ушинского в «Журнале Министерства Народного Просвещения» с напечатанными в 1988 г. в шеститомнике «Педагогические Сочинения К.Д. Ушинского», изданном издательством «Педагогика» в Москве под редакцией М.И. Кондакова.

Начинаем с работы «О нравственном элементе в русском воспитании». В «Журнале Министерства Народного Просвещения» (1860, № 11–12) статья занимает в двух номерах 63 полосы по 34 строки в каждой. Удалено же, вырезано 16 страниц плюс 25 строк в разных местах. То есть было 63 страницы, а осталось чуть больше 46. Вот так работали бдительные редакторы в надежде, что никто особенно не «полезет» в середину XIX века. Что и в самом деле трудно было сделать, а в большинстве уголков нашей страны и попросту невозможно.

Вот такой текст Ушинского редактор Кондаков разрешает напечатать:

«Нравственное чувство живёт в каждом из нас точно так же, как и чувство личности, эгоизма. Оба эти чувства в виде микроскопических зародышей рождаются вместе с человеком. Но тогда как первое, то есть нравственное чувство, благороднейшее и нежнейшее растение души человеческой требует большого ухода и присмотра, чтобы вырасти и окрепнуть, другое, как всякий бурьян, не требует для своего преуспения ни ухода, ни присмотра и скоро подавляет все лучшие нежнейшие растения».

³ Кстати, основателем и первым руководителем Главлита был главный редактор нашего журнала с осени 1917 по 1921 год П.И. Лебедев-Полянский.

Но далее редактор почёл за благо удалить:

«Сам божественный Сердцеведец нашёл ненужным заботиться о возрасте того чувства: никто и без того из собственного побуждения не подавляет своей живучей охоты, этого источника всякого эгоизма; но «питает и греет ю (т.е. его)»⁴.

А ведь какая тут глубокая мысль! Но она задержана, как нарушитель границ.

Далее Ушинский развивает идею о влиянии центров промышленной деятельности, железных дорог и цивилизации в целом на патриархальную нравственность, которая не выдерживает этого столкновения, «поедается ею, как вековые леса пожираются пламенем пожара». Он подробно анализирует и прогнозирует судьбы разных народов мира, стоящих на пороге цивилизации. Но и это всё из текста выброшено, хотя судьбы многих стран Ушинский предсказал точно. Здесь невозможно перепечатывать все четыре страницы, хотя они интересны и, думаю, дождутся своего издателя. Мы приведем лишь маленький отрывок:

«Таков наш взгляд на необходимость цивилизации для всякого исторического народа, и если прогресс цивилизации имеет свои опасности, как всякий жизненный процесс, какие имеет и неизбежный рост дитяти, и развитие юноши, то, с другой стороны, в этих опасностях есть жизнь, есть возможность успеха, оборота к лучшему, тогда как в разложении трупа в современной жизни Китая опасности и волнений ещё больше и нет никакой будущности: опасности и волнения, без толку, без цели, без надежды отрадного исхода. Византия, на которую Пётр Великий указывал с таким справедливым ужасом тупым противникам европейской цивилизации, гнила более тысячи лет, пока дождалась **ТУРОК** (курсив наш. — В.Ч., А.Э.); Китай гниёт вот уже несколько тысячелетий, и, несмотря на свой отличный **ВНЕШНИЙ** порядок, несмотря на свои сотни миллионов населения, на свои природные богатства, на своё раннее образование, на умственные способности своих жителей, не может отделаться от горсти англичан: так умирающий гигант не может приподнять руки, чтобы согнать муху, приносящую ему несносную боль. Вот, по нашим убеждениям, к чему ведёт остановка развития».

Как будто услышав критику Ушинского, Китай начал спустя 50–60 лет просыпаться. У него появились пассионарные лидеры: маршал Чан Кайши (1887–1975) и Мао Цзедун (1893–1976), а через 140 лет после пророчества Ушинского, т.е. сегодня, мы уже видим Китай великой космической и ядерной державой.

А какова прозорливость педагога по отношению к Турции! Может быть, он был тогда среди очень немногих, кто не смотрел на это государство свысока. И оказался прав. В его времена в нашей северной Пальмире строили-то всё итальянцы, а сейчас в Москве, и не только в ней, всё турки да турки возводят. И оказывается, что на отдых выгоднее и привлекательнее съездить к ним в Анталию, а не в бывший наш Крым или в родные Сочи. И наконец, третье место футбольной команды Турции (после Бразилии и Германии) в Кубке Мира 2002 года говорит само за себя.

Заметно, и даже очень, что главлитовский редактор желает скрыть от читателей Ушинского философа и Ушинского-политолога.

Читая «выброшенные» места, убеждаешься, что Константин Дмитриевич проявил себя и как глашатай эпохи Великих реформ Александра II. Он ярко и горячо выступает за резкое увеличение числа школ в условиях, «когда грамотность, потребность которой выказывается всё сильнее, грозит сойтись с подонками нашей литературы; когда сам народ обществами трезвости высказывает потребность нравственного преобразования — должно наконец серьёзно подумать об устройстве *русской народной школы*».

Теперь только стала она возможно и в то же время сделалась необходимою. Теперь это уже не преждевременная прихоть, не страсть к подражанию, не роскошь и даже не просто хорошее богоугодное дело, но насущный, жизненный вопрос, настоятельно требующий разрешения и от разрешения

⁴ Курсив К.Д. Ушинского.

которого, более или менее удачного, зависит правильный *исход всех прочих реформ, начатых или предполагаемых в настоящее время.*

В решении столь важного общественного вопроса должны принять участие и литература, и всё общество, потому что в деле общественного воспитания общественное мнение всегда будет играть важную роль, но главными участниками в практическом разрешении этого вопроса явятся, без сомнения, с одной стороны — церковь, с другой — всё наше учебное и учёное среднее сословие — представители духовного и представители светского образования. По коренному принципу христианской религии духовный пастырь должен быть не только служителем алтаря, не только проповедником слова Божия, но и наставником и учителем. <...> Педагогическая деятельность не только не противоречит характеру деятельности священно-служительской, но является самым необходимым её дополнением. Может ли быть для служителя алтаря и проповедника слова Божия какая-нибудь деятельность приличнее воспитания молодых поколений? Какое общество может быть приличнее для проповедника религии Спасителя, как не общество детей, которыми так любил себя окружать Богочеловек и заботу о которых Он так строго заповедовал своим ученикам. <...>

Дело не в том, кто — духовное или светское лицо — должен заведовать народною школою; но в том, чтобы заведующий народною школою был истинный христианский воспитатель, истинный педагог по призванию, по цели, по знаниям и искусству; простая добросовестность должна удерживать каждого из нас от возложения на себя обязанностей, искусство исполнения которых нам чуждо. <...> Но если необходимо, чтобы духовные лица, посвящающие себя воспитательной деятельности, были хорошими педагогами, то с другой стороны необходимо также, чтобы светские лица, принимающиеся за воспитание, особенно простого народа, были не только хорошие педагоги, но и истинные христиане по своим стремлениям и убеждениям, насколько убеждения человека доступны взору других людей. Как только мы захотим отделить непереодолимую гранью преподавание Закона Божия от преподавания других предметов, то хотя преподавание других предметов и останется, *но воспитание исчезнет. Современная педагогика исключительно выросла на христианской почве и для нас не христианская педагогика есть вещь немыслимая — безголовый урод и деятельность без цели, предприятие без побуждения позади и без результатов впереди*⁵.

Скажите, нужны ли здесь наши или чьи-либо ещё комментарии? И всё же заметим: ни в коем случае не следует думать, что Ушинский противопоставляет христианство, скажем, магометанству или буддизму. Это огромная тема, о которой не скажешь «между прочим». Однако, пуская стрелы критики в католицизм и в другие христианские конфессии, истинно православный человек Ушинский говорит: «Но, видя все коренные недостатки протестантизма, мы не можем не сознаться, что он, по крайней мере некоторое время, соединивши церковь с школою, имел сильное влияние на возвышение уровня народной нравственности.

Православная религия величественно идёт по средней, истинной дороге; она, свято сохраняя древние формы христианства и не объявляя римских притязаний на земную власть, благословляет и освящает всякий истинный прогресс. <...>

Не забудем, что величайшие двигатели дела народного воспитания — Франке, Песталоцци, Арнольд — именно в христианстве почерпали силы для своей плодотворной и энергичной деятельности, пересоздавшей воспитание Европы».

Прошлой зимой один из авторов этой работы, Виктор Чумаков, присоединился в городе Владимире к экскурсии преподавателей литературы университетов России, то есть учителей будущих учителей. Мы посетили святые места в Суздале, Боголюбове и храм Покрова на Нерли. Побывали в добром десятке монастырей, храмов и других веками «намолённых» мест. Оказались пред ликами сотен бесценных икон...

И никто из двадцати двух преподавателей ни разу не осенил себя крестным знаменем.

Выброшено семь страниц великолепного текста. Зачем? Почему? «Так надо». А ведь Ушинский тепло прославляет таких воспитателей детей и юношества, как Пушкин, Тургенев, Аксаков, Гоголь и Диккенс. Зато очень неместно и метко высказывается о религиозных лицемерах, атеистах, о суевериях и идолопоклонстве.

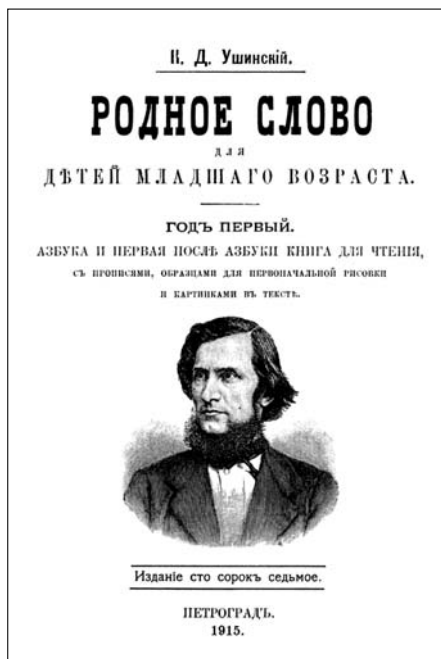
«Но если отвратителен образ человека, который, рассказывая всем о своих строгих постах и длинных молитвах, втихомолку берёт взятки и давит своего ближнего, то разве не точно ли так же отвратителен образ человека, торгующего европейскими идеями гуманности и образования?» Это ли не выбросить? Ведь слова эти — не в бровь, а в глаз многим современным толстосумам и власть предержащим.

В конце статьи Ушинский пишет о необходимости уберечь наше воспитание от внешних реформ, «хотя, конечно, очень многое можем и должны занять из опытов иностранной педагогики, но не должны забывать, что для младенца тогда только не вредна чужая пища, когда он, вскормленный молоком матери, уже приобрёл достаточно сил. <...> Такою родимую грудью является для нас наша народность и наша народная религия, соединяющая каждого из нас с каждым русским, хотя бы он скрывался далеко от глаз наших в самой тёмной массе народа или в самом отдалённом уголку нашей неизмеримой отчизны, — соединяющие нас с давно отжившими и грядущими поколениями, словом, со всем тем, что одно даёт нам прочное, историческое, а не эфемерное существование».

И ещё: «Всё минется — одна правда останется», — говорит наш народ, выражая свою веру в историю и вечную правду божественного Провидения, правду, которую часто, как и само небо, скрывают от нас туманы, поднимающиеся с нашей же земли».

Что это, как не актуальное сегодня предупреждение тем, кто, придя к власти, норовит затуманить нашу историю и в том числе «историю Ушинского», и всю историю русской педагогики?

В следующем труде Ушинского, который называется «Проект учительской семинарии», среди 44 страниц зоркий советский цензор находит 9 строчек, «безусловно недопустимых». А ведь это просто проект, предназначенный одной из отраслей нашей педагогики!.. И вот каковы купюры:

«Так, будущий приходский учитель должен приучиться к чтению Св. Писания и полюбить его и, не вдаваясь в высшие богословские толкования, подробно познакомиться с значением священнодействий, таинств и обрядов. Те из воспитанников, которые обладают сколько-нибудь порядочным голосом, должны быть приучены к церковному пению, так чтобы могли упражнять в нём своих будущих учеников, а вместе с тем помогать священнослужителю при совершении священнодействий».

Может быть, цензура просто боялась собственной тени? Нет, скорее тени прошлого, которая и сегодня ещё достаточно настоящая, она ещё пребывает в нас. Разве нельзя представить себе наказания учителям физкультуры быть хорошими лыжниками, а учителям пения или классным руководителям знать и уметь сносно спеть Гимн России? А многие ли из преподающих сейчас в школах разбираются в обрядах Русской Православной Церкви, в сути христианских праздников и Священно-го писания?

Переходим к статье «Воскресные школы. (Письмо в провинцию)». Многие сейчас могут засомневаться в актуальности этой темы для современной России. Но... Известны ли им цифры количества беспризорных детей в нашей стране? Иногда и скупые статистические выкладки потрясают трагизмом. Мы нередко видим беспризорников на вокзальных плитах, лежащих прямо на полу, на тротуарах, моющих автомобили «новых русских». Даст Бог, кончится безвременье, этих повзрослевших ребят понадобится всё-таки учить, — и обратимся мы за добрым, умным советом к педагогу Ушинскому.

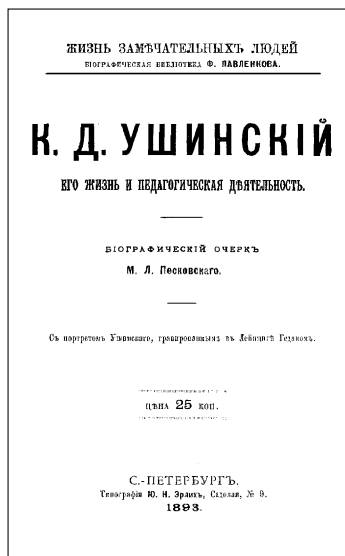
А пока что видим: из 24-страничной статьи в общей сложности вычеркнуто около полутора страниц текста. Выброшено, например: «Не может быть ни малейшего сомнения, что воскресные школы — одно из деятельных средств для предупреждения народного разврата и тех пролетариатских стремлений, которые не ведут, конечно, ни к чему хорошему. Задержанное развитие во всяком живом организме выражается болезнью; таков благодетельный и вместе грозный закон природы». Комментарии излишни. Цензор «знает своё дело».

В другом изъятном пассаже Ушинский говорит о церкви, о священнодействии литургии, о внимании учащихся во время молебнов, и при этом автор наставляет преподавателей использовать всё это при построении уроков:

«Открыть в церкви для человека источник духовного развития и нравственных убеждений — высшая цель всякой народной школы: школа учит человека не многому и не долго — церковь поддерживает и наставляет его от колыбели и до могилы; но необходимо некоторое развитие и некоторое знание, чтобы пользоваться этой поддержкою и этими наставлениями».

Чтобы на Ушинского не обиделись представители иных конфессий, мы берём на себя смелость посоветовать заменить в приведённой цитате слово «церковь» на слова: «мечеть», «костёл», «пагода» или «синагога».

Просто замолчать и сделать вид, что её не было, а речь идёт о статье «5-е Марта 1861 года», конечно, было нельзя, и её публикацию «завдвинули» в «Архив

В старинной энциклопедии об Ушинском говорится:

«Подобно Песталоцци, Ушинский даёт в руки родителей и учителей Osborne руководство к своему «Родному Слову», имевшее обширное влияние на русскую народную школу и остающееся лучшим пособием по методике родного языка и до настоящего времени. Большое значение следует признать и за трудом Ушинского: «Человек как предмет воспитания, опыт педагогической антропологии» (2 т., Санкт-Петербург, 1868–1869). Сочинение это выходит уже 11-м изданием и пользуется вполне заслуженной известностью. Не примыкая к последователям какой-либо определённой философской системы, Ушинский рассматривает психические явления вполне самостоятельно и даёт, между прочим, ценный анализ чувствований. Труд этот остался неоконченным; Ушинский предполагал издать ещё 3-й том, в котором хотел дать руководство по педагогике. Что касается общепедагогических взглядов Ушинского, то он успел высказаться лишь по некоторым вопросам общей педагогики («Собрание педагогических статей», Санкт-Петербург, 1875). См. Ю. Рехневский «Вестник Европы» (1872, 2); П. Чалый «Воспоминания об Ушинском» («Народная Школа», 1872); А. Фролков «К. Д. У., его жизнь и педагогическая деятельность» (Санкт-Петербург, 1893, серия Павленкова); А. Слепцов «Где искать оснований здоровой педагогики?» («Современное Обозрение», 1868, 2); Н. Г. Дебольский «Опыт разрешения некоторых педагогических вопросов» («Семья и Школа», 1874, 11 и 1875, 2 и 3). В 1895 и 1896 гг. по случаю двадцатипятилетия со дня смерти Ушинского, появилось в журналах много статей о нём».

Ушинского», том 4 (М., 1962), смешав с ранними работами 1846–1856 гг. Публикаторы в пространным комментарии, растекаясь мыслью по древу, пишут: «Редакция нашла целесообразным не перепечатывать первую половину статьи, поскольку она является данью времени... <...> В этой второй части статьи — подлинная идейная сущность всего выступления Ушинского».

Давайте скажем правду. Речь идёт о передовой статье журнала (№ 3 за 1861 г.), которая открывает номер. В ней всего 11 страниц. Что из неё выброшено? Половина второй страницы, треть третьей, половина четвёртой, полностью пятая, шестая и седьмая страницы и часть восьмой. О чём рассказывает здесь Ушинский?

В эссе дано яркое описание праздника в Петербурге в последний день Масленицы, после оглашения в храмах Манифеста об освобождении крестьян из крепостной зависимости, подписанного императором Александром II 19 февраля 1861 года.

Ушинский предстаёт здесь как патриот Отчизны, как слуга своего народа, свято верящий в его светлое будущее, как очевидец, участник исторических событий. Не будем, однако, восстанавливать здесь вымаранное. Мы уверены, что в ближайшем будущем эта работа К. Д. Ушинского будет напечатана в первоизданном виде.

5

Время Ушинского в журнале было прорывом в педагогическую науку, попыткой сконцентрировать внимание авторов и редакторов «Журнала Министерства Народного Просвещения» на насущных проблемах учителей. Педагог и редактор, он надолго опередил своё время, подал пример преданности своей науке, своим взглядам на теоретические принципы и практическое наполнение педагогики.

Последние годы жизни Ушинский посвятил литературной деятельности. Был одним из самых энергичных деятелей эпохи реформ — и после ухода из журнала продолжал писать и издавать свои работы. Шестидесятые годы XIX века дали живой импульс жизни России. Образование и наука — не исключение. Ушинский ратовал за устройство учительских семинарий, горячо писал о судьбах детей и отдал немало времени и сил составлению книг для чтения и первоначального обучения — «Детскому Миру» и «Родному Слову», продолжив просветительское дело Михаила Васильевича Ломоносова. Как известно, реформа 1861 года была обусловлена рядом разнообразных предпосылок: экономических, нравственных, политических. Сказался и вклад просветителей от Ломоносова до Тургенева, показавших духовную красоту русского крестьянина, его интеллектуальный потенциал. Верил в русского мужика и Ушинский. Он-то работал без устали, чтобы была у русского крестьянина достойная его природных дарований школа.

Ушинский следил за развитием мировой науки, в его книгах видное место занимал естественно-научный материал. В то же время Константин Дмитриевич оставался приверженцем реалистической педагогики Коменского, Локка и Песталоцци.

Об Ушинском в России сложилась обширная педагогическая библиотека. Он стал своеобразным «символом веры» русского учителя, подобно Пушкину в литературе, Суворову в военном искусстве. И это лучшее признание заслуг редактора и автора «Журнала Министерства Народного Просвещения», которым наш журнал вправе гордиться. Как-никак, дорогой читатель, перед Вами юбилейный номер, и мы вправе повторять «Гордиться, гордиться, гордиться!». Это не во вред необходимой скромности.

